А.В. Бакунцев, кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: auctor@list.ru

«ОСКОТИНЕВШИЙ ОТ ЗЛОБЫ ВРАЖИЙ ЛИК»: ЛЕВОРАДИКАЛЬНАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ О РЕЧИ И.А. БУНИНА «МИССИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ»

Статья посвящена проблеме общественного восприятия речи И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» (1924) по обе стороны советской границы. Предметом исследования являются соответствующие (большей частью малоизвестные) публикации в леворадикальных эмигрантских и советских периодических изданиях. Особое внимание уделяется характерной для этих изданий манере ведения дискуссии с политическими оппонентами. Все цитаты приводятся по первоисточникам.

***Ключевые слова:** И.А. Бунин, речь, «Миссия русской эмиграции», леворадикальная эмигрантская печать, советская печать.*

The article is dedicated to the problem of the public apprehension of I.A. Bunin's speech "The Mission of the Russian Emigration" (1924) in both sides of the Soviet borders. The subjects of our research are the corresponding (mostly little-known) publications in left-radical emigrant and Soviet periodical press. We give particular attention to the typical way of such press to have a discussion with the political opponents. All the quotations are got from the original source.

***Key words:** I.A. Bunin, the speech, "The Mission of the Russian Emigration", the left-radical emigrant press, the Soviet press.*

Введение

Речь «Миссия русской эмиграции» — одно из самых известных, переиздаваемых и в то же время одно из наименее изученных публицистических произведений И.А. Бунина. Литература об этой речи исчерпывается, как правило, весьма краткими упоминаниями в исследовательских работах, посвященных жизни и творчеству Бунина [см.: Андреева, 1998; Бабореко, 2004; Мальцев, 1994; Мочалова, 2001; Свалов, 2009; Скроботова, 2006; Трубицина, 2004], а также более или менее обстоятельными примечаниями к сборникам и собраниям сочинений писателя, в которые «Миссия...» включалась[1]. Едва ли не в наименьшей степени исследователи ин-

[1] См.: *Бунин И.А.* Под серпом и молотом: Сб. рассказов, воспоминаний, стихотворений / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.П. Крыжицкого. Лондон [Канада], 1975; 2-е изд. 1982; *Он же*. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. А.К. Бабореко. М., 1990; *Он же*. Окаянные

тересуются тем, как она была воспринята современниками Бунина, жившими по обе стороны советской границы. Цель данной статьи — отчасти восполнить этот пробел. Предметом нашего рассмотрения являются отклики леворадикальных эмигрантских и советских периодических изданий на знаменитую, «программную», как ее часто называют в научной литературе, речь Бунина.

За помощь, оказанную при подготовке этой статьи, автор благодарит сотрудников Отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России, а также лично С.Н. Морозова (ИМЛИ РАН) и Р. Дэвиса (РАЛ, Великобритания).

Тропа войны

С речью «Миссия русской эмиграции» будущий нобелевский лауреат выступил 16 февраля 1924 г. на одноименном вечере в парижском Salle de Géographie. Кроме Бунина, в этом вечере участвовали также политик и богослов А.В. Карташёв, писатели И.С. Шмелёв и Д.С. Мережковский, ученый-филолог Н.К. Кульман и студент, будущий публицист и общественный деятель И.Я. Савич. Полтора месяца спустя, 3 апреля, бунинская речь была опубликована в правоцентристской кадетской газете «Руль»[2].

У Бунина и его единомышленников не было намерения высказывать на вечере в Salle de Géographie какие-либо политические суждения — они хотели только выразить свое *религиозное* отношение к современности, к тому, что происходило в России и в мире с февраля 1917 г. Разумеется, они не обошли молчанием и такие — еще «свежие» по тому времени — события, как смерть В.И. Ульянова-Ленина, переименование Петрограда, начало официального признания «Советов» крупнейшими западными государствами, первые выступления представителей «сменовеховства» и других леворадикальных эмигрантских группировок с призывами возвращаться на родину и т.д. Поэтому, как ни старались участники вечера «Миссия русской эмиграции» (которые сами себя полуофициально называли «непримиримыми» — по отношению к советской власти) держаться в своих речах вне политики, их *религиозный* пафос не мог не окраситься в некие *политические* тона, которые ле-

дни: Неизвестный Бунин / Сост., предисл. О. Михайлова. М., 1991; *Он же*. Великий дурман / Сост., вступ. ст. и примеч. О.Б. Василевской. М., 1997; *Он же*. Публицистика 1918—1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 1998; 2-е изд. 2000; *Он же*. Собр. соч.: В 8 т. / Сост., подгот. текстов А.К. Бабореко. М., 2000. Т. 8; *Он же*. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 2006. Т. 8; *Он же*. Окаянные дни: Дневники, статьи, воспоминания. М., 2011.

[2] См.: *Бунин Ив*. Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля) // Руль (Берлин). 1924. 3 апр. № 1013. С. 5—6.

выми кругами эмиграции были восприняты как откровенно правые — «реакционные» и «реставраторские».

В «подведомственной» этим кругам периодической печати против Бунина и его единомышленников была развернута массированная идеологическая кампания. Ее зачинщиком и наиболее деятельным участником стала левокадетская газета «Последние новости». Уже 20 февраля издание, возглавляемое П.Н. Милюковым, обрушилось на «непримиримых» с резкой, уничтожающей критикой. Им, в частности, были предъявлены обвинения в «реакционности», «аристократизме», «презрении к русскому народу», а сами их выступления были названы «голосами из гроба»[3].

После этого в эмигрантской прессе завязалась полемика, которая продолжалась вплоть до начала мая 1924 г. В эту полемику оказались втянутыми, по меньшей мере, 13 периодических изданий, которые выражали взгляды самых разных политических сил эмиграции — от ультраправых до ультралевых. Точка зрения левых радикалов в данном случае была отражена в публикациях сменовеховской газеты «Накануне» (Берлин) и просоветского «Русского голоса» (Нью-Йорк). Не осталась в стороне от этих газетно-политических баталий и советская печать: вечеру «Миссия русской эмиграции» и прозвучавшей на нем, а затем и опубликованной в «Руле» одноименной речи Бунина были посвящены материалы в «Известиях» (Москва), «Правде» (Москва), «Красной газете» (Ленинград).

В своих суждениях о высказанных «непримиримыми» идеях названные издания проявили исключительное единодушие. В этом нет ничего удивительного: все эти газеты либо своими словами пересказывали-повторяли то, что о вечере «Миссия русской эмиграции» и одноименной речи Бунина писали «Последние новости» (которые, по существу, и формировали — или, по крайней мере, пытались формировать — общественное мнение русского зарубежья), либо попросту «списывали» друг у друга. Потому-то и тональность их откликов на выступления Бунина и других участников вечера «Миссия русской эмиграции» предсказуемо однотипна. Эти отклики дышат острой ненавистью, их авторы не гнушаются откровенной клеветы и площадной брани в адрес «непримиримых». Впрочем, подобная манера вести дискуссию с политическими оппонентами вообще была характерна для определенной части эмигрантской (причем не только ультралевой, но и ультраправой) печати, не говоря уже о печати советской. В плане этики у политических радикалов всех мастей, от черносотенцев до коммунистов, была налицо атрофия чувства меры и полемического такта.

---

[3] См.: <*Б.п.*> Голоса из гроба // Последние новости (Париж). 1924. 20 февр. № 1174. С. 1.

«Анафема России»

Газета «Накануне» высказала свое мнение о вечере «Миссия русской эмиграции» 2 марта 1924 г. В сущности, она лишь на свой лад пересказала милюковскую передовицу «Голоса из гроба». Даже сам этот заголовок был позаимствован сменовеховской газетой — для собственной передовой.

В своей версии «Голосов из гроба» газета не пощадила ничьих репутаций, ниспровергла все возможные авторитеты. Весьма показательно уже начало статьи: «Величественная картина: П.Н. Милюков, в тоге из “Последних новостей”, решительно заколачивает вход в склеп русской эмиграции. Из склепа несутся вопли мертвых душ Бунина, Мережковского, Шмелёва и некоторых других подручных». Далее «Накануне» с исключительным упорством доказывала принадлежность «трех с половиной корифеев (за половину идут Савич, Кульман и др.)» к «мракобесам» и «вурдалакам» русской эмиграции.

«С необычайной высоты своего великолепия и чистоты, — писала газета, — они обрушили на современную Россию целое море помоев, сплетен, грубых выдумок. О существе мессианства они ничего не сказали, но выступали все с поражающим единством мыслей. Аристократизм и ненависть, вот два тезиса, преподнесенные ими эмиграции, как альфа и омега утверждения истины». В Бунине, по утверждению издания, «старый барин, помещик, крепостник возобладал над всем, что в нем предполагали раньше. Из последних в последние слова поносил он русский народ, в позиции, метко отмечаемой “Посл<едними> нов<остями>”: “я выше, я генеральская дочь, а там — только титулярные советники”, смерды, холопы презренного бесстыдного века».

«Революция, — говорилось далее, — рассеяла жизненный поток — один пошел по великому пути обновления, другой, ручеек, разлился в болото эмиграции. Но Бунин и другие не вода, не глина, а камни на пути потока революции. Они и впрямь сильнее многих других силой сопротивления. И поэтому их реакция — реакционность — должна была прорваться, сказаться особенно резко».

Статья заканчивалась словами: «Предоставим мертвым хоронить своих мертвецов, не будем тревожить их праха напоминанием, что гордая “генеральская дочь”, как известно, плохо кончила — продалась в розницу. Неумолимы законы жизни; чем ярче, чем полнее цветение новой жизни в России, чем ярче ее новый полнокровный быт, чем смелее стучат молотки труда, строящего новую жизнь, тем жальче, безнадежнее в потемках эмигрантского склепа раздаются стуки костлявых рук в крышки гробов»[4].

[4] <*Б.п.*> Голоса из гроба // Накануне. 1924. 2 марта. № 52. С. 1.

Еще дальше в шельмовании участников вечера «Миссия русской эмиграции» пошла «самая распространенная в Соединенных Штатах и Канаде ежедневная кооперативная газета» «Русский голос», не скрывавшая своей просоветской ориентации[5]. Ее отклик на выступления «непримиримых» (о которых редакция могла судить только по публикациям в эмигрантских изданиях, присылаемых из Европы) был уже не чем иным, как злобным пасквилем.

Например, о Бунине — одном из трех, по выражению «Русского голоса», «бывших писателей» — было сказано, что он будто бы «взял на себя поручение “облаять” народ. По его словам, весь русский народ — “сволочь” и все “несчастья России” произошли оттого, что она была населена русскими». Далее утверждалось: «Все три писателя [Бунин, Мережковский и Шмелёв] не скрыли (в этом, пожалуй, значение их “откровения”), что быть против советского правительства — значит, быть против России и всего русского народа. Но, по словам Бунина, для него “Бог” важнее, чем “Россия”. А посему, раз вся “Россия захвачена антихристом“, он, русский писатель Бунин, призывает всех, всех истреблять “антихриста” (т.е. истреблять русский народ). Приятно, что три писателя договорились».

Вывод «Русского голоса» был таков: «Мережковский, Бунин и Шмелёв открыто призывают к уничтожению русского народа. Они высказали то, что лежит на сердце у каждого врага революции»[6].

Спустя две недели «Русский голос» напомнил своим читателям «о “докладе”, прочитанном в Париже писателями Мережковским, Буниным, Шмелёвым». И опять газета клеветала на этих «трех писателей», которые якобы «подвергли анафеме Россию, русскую молодежь»[7].

«Эпигон крепостничества»

С середины марта 1924 г. полемика вокруг выступлений участников первого вечера «Миссии русской эмиграции» выплеснулась за пределы эмигрантской среды: теперь в нее оказалась вовлеченной еще и советская печать.

Бунин в постскриптуме к тексту своей речи, опубликованному в «Руле», упоминает о московской «Правде», в которой 16 марта

---

[5] Редактор «Русского голоса» А. Ветлугин (наст. имя и фам. Владимир Ильич Рындзюн; 1897—1953) писал 2 января 1925 года А.В. Луначарскому: «В продолжении двух лет я состою редактором нью-йоркской газеты “Русский голос”, стоящей на советской платформе. О характере “Русского голоса” Вы можете судить по тому факту, что весной прошлого года нами было собрано и переслано Н.К. Лениной (т.е. Крупской. — *А.Б.*) 2000 долларов в фонд Живого Памятника Ленину...» [цит. по: Николаев Д.Д., 2008, с. 306].

[6] <*Б.п.*> Договорились // Русский голос. 1924. 9 марта. № 2968. С. 2.

[7] <*Б.п.*> Как они работают // Там же. 25 марта. № 2984. С. 2.

1924 г. «появилась статья, почти слово в слово совпадающая со всем тем, что писалось о нас в “Последних новостях”»[8]. В Парижском архиве писателя сохранилась вырезка с этой статьей, которая озаглавлена «Маскарад мертвецов» и подписана инициалами Н.С. Однако место ее опубликования Бунин и на вырезке, и в постскриптуме указал неверно. Эту ошибку вслед за писателем не раз повторяли и его современники, и исследователи его жизни и творчества [см.: Мальцев, 1994, с. 268; Бабореко, 2004, с. 275; Трубицина, 2004, с. 101; Марченко, 2011, с. 63][9]. В действительности статья «Маскарад мертвецов» была напечатана в «Известиях», а инициалы Н.С. принадлежали журналисту, писателю, критику, впоследствии также фольклористу и коллекционеру Н.П. Смирнову.

Бунин был прав: при написании своего полуграмотного опуса («*Просматривая* печать белой эмиграции, *кажется*, что попадаешь на маскарад... мертвых»[10]) Смирнов, несомненно, пользовался милюковскими «Голосами из гроба». Не исключено, что в его поле зрения были и другие «Голоса...» — в «Накануне». На это указывает удивительное концептуальное, а местами и словесное сходство всех трех текстов. Однако цитаты московский критик брал только из «Последних новостей».

Очевидно, что в своей статье Смирнов пытался быть столь же остроумно-злоязычным, как его «коллеги»-эмигранты: «Маскарад мертвецов» написан бойко, «ловко», с претензией на литературность[11]. Тем не менее явные пробелы в образовании не могли не сказаться на стиле молодого журналиста. Однако помимо стилистических ошибок в его статье имеется и ряд фактических неточностей.

Так, называя Бунина «старым белогвардейцем», Смирнов утверждал, что писатель «редактировал в Крыму газету деникинского “Освага”, приветствуя воинственных галлов позорнейшими виршами». Под «газетой деникинского “Освага”» автор «Маскарада мертвецов» имел в виду, несомненно, «Южное слово», но это издание выходило не в Крыму, а в Одессе. К тому же «позорнейшими

---

[8] *Бунин Ив.* Миссия русской эмиграции... С. 6.

[9] См. также: *Даватц В.* Миссия эмиграции: I. Лампады св. Сергия // Новое время (Белград). 1924. 10 апр. № 887. С. 2; *Крыжицкий С.П.* Примечания // Бунин И.А. Под серпом и молотом. С. 229; *Морозов С.Н., Николаев Д.Д., Трубилова Е.М.* Комментарии // Бунин И.А. Публицистика 1918—1953 годов. С. 541.

[10] *Н.С. <Смирнов Н.П.>* Маскарад мертвецов // Известия. 1924. 16 марта. № 63. С. 2. Курсив наш. Показательно, что, цитируя эту же фразу в своем постскриптуме, Бунин не удержался от едкого замечания: «...какой прекрасный русский язык!» (*Бунин Ив.* Миссия русской эмиграции... С. 6).

[11] В 1920-х гг. эта претензия давала о себе знать постоянно, едва ли не во всех публикациях Смирнова. На одну из них — предисловие к сборнику рассказов С.П. Подъячева «Разлад» (М., 1925) — в свое время обратил внимание Г.В. Адамович (см.: *Адамович Г.* Литературные беседы // Звено (Париж). 1925. 31 авг. № 135. С. 2).

виршами», т.е. стихотворением «22 декабря 1918 г.» («И боль, и стыд, и радость. Он идет...») Бунин приветствовал «воинственных галлов» почти за год до того, как начал редактировать «Южное слово»[12].

Неверными были также представления Смирнова о характере отношений Бунина, Мережковского и Шмелёва с газетой «седенького профессора, гримирующегося под бравого артиллериста с дарданелльского форта», т.е. Милюкова. По словам журналиста, в «Последних новостях» они якобы печатались уже тогда, в первой половине 1920-х гг., однако это противоречит исторической правде. Обычно под словом «печататься» подразумевается полноценное (пусть даже и не регулярное) сотрудничество с тем или иным периодическим изданием, а эти писатели только время от времени публиковали в газете «седенького профессора» отдельные и притом, как правило, незначительные тексты (вроде «писем в редакцию»), что, разумеется, вовсе не делало их ее сотрудниками[13].

Вольно или невольно (т.е. по незнанию) Смирнов в своей статье фальсифицировал и знаменитую «дружескую пародию» Куприна на Бунина «Пироги с груздями (Из кислых рассказов)»[14].

А заявляя, что в сравнении с выступлениями участников вечера «Миссия русской эмиграции» «даже “Вехи” кажутся безвинной елочной хлопушкой», автор «Маскарада мертвецов» неверно указал дату первого издания этого сборника: 1907 г., тогда как на самом деле сборник вышел в 1909 г.

И уж совсем нелепая ошибка: говоря о том, что Бунин «мечтает, как и Мережковский, о железном шлеме крестоносца», Смирнов напоминал, что писатель «во время своих скитаний по востоку» носил «пробочный (!) шлем», имея в виду, конечно, шлем *пробковый*.

Подобно анонимному автору из «Накануне», московский журналист признавал за Буниным только его дореволюционные заслуги и достижения. «Бунин, тот самый Иван Бунин, новый рассказ которого был когда-то для читающей России подарком, Ив. Бунин, печатавшийся до “Освага” в горьковской “Летописи”», теперь, по словам Смирнова, «позировал под библейского Иоканаана», выступал в его «черном плаще» (?). «Он “религиозен”, — саркастически замечал журналист. — Он — правовернейший христианин,

---

[12] Это стихотворение, написанное ко дню официального вступления в Одессу союзнических войск, было опубликовано 9 (22) декабря 1918 г. на первой полосе «Одесского листка» (№ 279).

[13] К тому же из этой «троицы» только Бунин — да и то лишь с конца 1927 г. — был полноценным сотрудником «Последних новостей». Его взаимоотношения с редакцией и лично с Милюковым были непростыми и неровными, а само участие в газете — далеко не регулярным. Тем не менее за 10 с лишним лет писатель напечатал в ней целый ряд произведений: стихи, прозу, воспоминания.

[14] Аутентичный текст «Пирогов с груздями» А.И. Куприна см.: Жупел (СПб.). 1906. № 3. С. 7.

хотя и писал когда-то в своей автобиографии: “никакой ортодоксальной веры не держусь”». С таким же сарказмом автор статьи приводил слова писателя о том, что он «от роду не был» помещиком (что было чистой правдой), «опровергая» это утверждение, по примеру «Последних новостей», цитатами из бунинских «Семи стихотворений»[15] и рассказа «Несрочная весна»[16]. «Теперь, — писал Смирнов, — православнейший писатель выступает как представитель и защитник своего, разбитого революцией класса. Это особенно ярко сказывается в его позднейших произведениях. <...> Здесь уже не только помещик, но помещик-мракобес, дворянин-крепостник.

— Эпигон крепостничества»[17].

Ключевые тезисы «Маскарада мертвецов» Смирнов воспроизвел в другой своей статье — «Солнце мертвых», напечатанной в том же 1924 г. в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Красная новь»[18].

«Человечья жуть»

На страницах советской прессы имя Бунина появлялось не так часто, как имена политических и военных лидеров эмиграции: П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского, А.В. Карташева, П.Н. Врангеля, великого князя Николая Николаевича, Н.Е. Маркова II. В этом нет ничего удивительного: как «политик» для советской власти Бунин был не опасен и не слишком интересен. О его политической ориентации (мнимом «тяготении» к монархизму) писали большей частью вскользь, как о досадном заблуждении прекрасного прежде, до революции, писателя. Но так продолжалось лишь до выступления Бунина на вечере «Миссия русской эмиграции». Печатный же текст его одноименной речи и вовсе заставил советских публицистов внимательнее присмотреться к писателю-«белоэмигранту». Один из них — М.Е. Кольцов — 24 апреля 1924 г. изложил итоги своих наблюдений в «Правде».

Свой антибунинский памфлет Кольцов начинал издалека, с обличений «добродетельных слюнтяев», которые любят «обвинять

---

[15] См.: *Бунин Ив.* Семь стихотворений: I. Сон епископа Игнатия Ростовского («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...»); II. «Хозяин умер, дом забит...»; III. «Едем бором, черными лесами...»; IV. «Наполовину вырубленный лес...»; V. «Душа навеки лишена...»; VI. «Зарос крапивой и бурьяном...»; VII. «Все снится мне заросшая травой...» // Русская мысль (Прага). 1923. Кн. VI—VIII. С. 3—7.

[16] См.: *Бунин Ив.* Несрочная весна // Современные записки (Париж). 1924. Кн. XVIII. С. 5—18.

[17] *Н.С.* Маскарад мертвецов. С. 2. Мечты о восстановлении крепостного права Бунину приписывали и до революции.

[18] См.: *Смирнов Н.* Солнце мертвых: Заметки об эмигрантской литературе // Красная новь (Москва). 1924. Кн. 3. С. 253—254.

большевизм в раздувании “кровожадных страстей” народа, в разжигании ненависти трудовых низов к капиталистам и помещикам», и с осанны народу, сорвавшему «узду и путы на руках» и давшему «волю своим истинным чувствам к классу угнетателей».

По мнению Кольцова, в том, что «карающей рукой пролетария и мужика водило не холодное классовое побуждение, но стихия созревшего во тьме и пробужденного инстинкта», русская интеллигенция (включая «некоторых маститых литераторов») должна была, по крайней мере отчасти, винить и себя. Говоря при этом о Бунине, публицист прибег к испытанному пропагандистскому средству, третируя писателя его помещичьим происхождением. «Темен народ русский, — писал Кольцов. — Откуда ему быть просвещенному? В усадьбе дворянина Бунина университета для крестьян не водилось. Сам Бунин, ученый, культурный и изысканный человек, отстоявшись с молодости строгим стильным нарциссом, подарил нескольким тысячам российской интеллигенции десяток отличных по красоте стиля, по аристократическому изяществу книг. Шутка сказать — почетный академик по разряду изящной словесности. Но у крестьян бунинских, если собрать их воедино, не нашлось бы, у всех вместе, понятия, чтобы разобрать хоть одну главу из бунинской изящной словесности».

Подобно «известинцу» Смирнову, «правдинец» Кольцов использовал и другой стилистический шаблон советской публицистики: сталкивать — по принципу контраста — в одной характеристике похвалу дореволюционной деятельности имярек с хулой его пореволюционных поступков и высказываний. У Кольцова Бунин — одновременно «жемчужина российской литературы» и «один из духовных вождей *бывшей* русской интеллигенции» (курсив наш). Бунинская речь, опубликованная в «Руле», будто бы не столько разгневала советского публициста, сколько внушила ему чувство жалости к озлобленному из-за своего бессилия противнику. «Можно как угодно торжествовать над поверженным врагом, — рассуждал Кольцов. — Но есть минуты, когда, взглянув на искаженный отчаянием, не человечий, оскотиневший от злобы вражий лик, захочешь отвернуться. Когда, видя его в последнем градусе безумия ползающим на четвереньках и кажущим осклизлый бешеный язык, потупишь в брезгливом испуге глаза. Сплюнешь, уйдешь, чтобы не видеть обнаженной человечьей жути».

С тем же высокомерием «победителя» Кольцов разбирал и текст бунинской «Миссии русской эмиграции».

«Вы не знаете этой миссии? — с нарочитой едкостью вопрошал он. — Не чувствуют ее и полтора миллиона неудачливых белогвар-

дейцев и буржуа, выброшенных революцией за борт страны. Но Бунин, русский писатель, в изгнании став общественником, зовет эмиграцию блюсти свою миссию... Уполномоченный божеским образом безработных губернаторов и исправников, божеским подобием помещиков и спекулянтов, Бунин проклинает безбожное "попустительство" всего мира, который уже давно должен был бы крестовым походом идти на Москву. Идти на Москву надо, обязательно, безысходно необходимо, ибо описать творящееся там не в силах заплетающийся в ярости бунинский язык, проклясть его задыхающийся голос...»[19]

Кольцов не обошел вниманием и то место в бунинской речи, где, со ссылкой на записки «одного из недавних русских беженцев», рассказывалось о некоей «худой собачонке», хозяина которой, «какого-то нищего старика», убили красноармейцы. «Ах, говорится в записках, как ужасно металась и выла эта собачонка вокруг трупа и какую лютую ненависть приобрела она после этого ко всем красноармейцам: лишь только завидит вдали красноармейскую шинель, тотчас же вихрем несется, захлебываясь от яростного лая! Я прочел это с ужасом и восторгом, и вот молю Бога, чтобы Он до моего последнего издыхания продлил во мне подобную же собачью святую ненависть к русскому Каину. А моя любовь к русскому Авелю не нуждается даже в молитвах о поддержании ее...»[20]

Эти строки Кольцов прокомментировал так: «Бунин бессилен. Он не дает в своей речи никакого рецепта действия русского эмигранта. Но как клокочет его ненависть, как переливается она через края человечьего образа, "божьего подобия", заставляя это подобие открыто становиться на одну доску с животным! Голоса не хватает, нужен уже собачий лай. <...> Мужик из бунинской усадьбы и из великого множества других усадеб необъятной равнины, восставший вместе с рабочими из городов против веков рабства у Бунина и Буниных, стомиллионный истинный хозяин страны — вот кого клянет Каином свергнутый хозяин. И хулитель знает это. Но не смущен. <...> Старый барин покинут. Ненависть душит его. Такой душной апоплексической ненависти, сгибающей человека, бросающей на четвереньки, сменяющей голос на лай, — такой злобы не найти у самого темного лесного из бунинских крестьян».

В заключение Кольцов, уже окончательно переступая черту полемического такта, желал Бунину «приобщиться святых тайн» для «облегчения от астматической злобы».

---

[19] *Кольцов М.* Голос Бунина // Правда. 1924. 24 апр. № 94. С. 1.

[20] *Бунин Ив.* Миссия русской эмиграции... С. 5.

«Низины, пугающие ямы человеческой психики. Из них несет смрадом догорания, шевеля брезгливую тоску и жалость»[21], — подводил итог своим социолого-психологическим «наблюдениям» Кольцов.

«Репутация скромного существа»

Над бунинской «мольбой» о «собачьей святой ненависти к русскому Каину» глумился не только Кольцов. Например, М. Горький еще в марте 1924 г. писал М.Ф. Андреевой из Мариенбада: «...А в Париже И.А. Бунин проповедует “собачью ненависть” к большевикам. Так и говорит: собачью. Совершенно обезумели со зла эти ребята»[22]. Но если Кольцов и Горький высказывались насчет этой «мольбы» как бы между прочим, то их единомышленники из «Накануне» и «Красной газеты» целиком посвятили свои материалы сюжету о возненавидевшей красноармейцев собачонке. Поводом для этого послужило «Письмо в редакцию» газеты «Руль», которое было опубликовано 12 апреля 1924 г. за подписью некоего «пережившего послереволюционные режимы всяких цветов, российского гражданина N.N.»[23].

Как объяснял N.N., в редакцию газеты, напечатавшей за девять дней до того «пламенную речь» Бунина, он обратился «для восстановления репутации скромного существа», за которое он счел «долгом заступиться». Суть этого «заступничества» состояла в следующем.

Автор «Письма...» высказывал предположение, что Бунин, говоря о собаке убитого красноармейцами старика-нищего, имел в виду происшествие, «описанное просто, трогательно и ярко» в мемуарах русского литературоведа, поэта, переводчика В.М. Фишера. Эти мемуары были опубликованы в 1923 г. в журнале «На чужой стороне»[24]. Правда, у Фишера старик был вовсе не нищим, а ростовщиком в одном украинском местечке, носил фамилию Янковский. Убили его не красноармейцы, а петлюровцы — как деникинского «шпиона», каковым он на самом деле не являлся, — на глазах у его собаки (как писал Фишер, «такой же старой, как он

---

[21] *Кольцов М.* Голос Бунина. С. 1.

[22] *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2009. Т. 14. С. 310. Спустя два года «великий пролетарский писатель» развил свою мысль: «Моралистам Бунин дал хороший повод говорить о слепоте ненависти. Остроумные люди, вероятно, очень посмеются над мольбою культурного человека и прекрасного писателя, который дожил до того, что вот, — предпочитает собачье бешенство человеческим чувствам» (*Горький М.* Из дневника // Красная газета. Вечерний выпуск. 1926. 30 июля. № 176. С. 2; То же // Огонек (Москва). 1926. № 31. С. 6).

[23] *N.N.* Письмо в редакцию // Руль. 1924. 12 апр. № 1021. С. 4.

[24] См.: *Фишер В.М.* Записки из местечка // На чужой стороне (Прага). 1923. Кн. III. С. 35—64.

сам») по кличке Шек. Собака после этого убийства пришла жить к Фишеру. «Шек усердно стерег дом, — цитировал N.N. мемуариста, — усердно лаял, но в его собачьей душе был надрыв. Во время пальбы он дрожал и выл жалобно и тихо. Он не мог забыть выстрела, уложившего его господина. Солдат он ненавидел, *к какой бы армии они ни принадлежали*, и я разделял с ним это чувство»[25]. Автор «Письма в редакцию» подчеркивал: «В мемуарах В.М. Фишера описаны зверства и безобразия и белых казаков, и блакитно-желтых петлюровцев, и красных большевиков».

Таким образом, выходило, что в своей интерпретации происшествия с собакой Бунин значительно исказил факты ради своих — в сущности, чисто пропагандистских — целей, превратив обычную собаку, напуганную зрелищем убийства собственного хозяина, в яркий символ непримиримости к большевизму. Этим, по мнению N.N., писатель будто бы запятнал «репутацию честного Шека». Но, каким бы убедительным ни выглядело подобное «обвинение», ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу автора «Письма в редакцию» не представляется возможным: мы не знаем точно, был ли Бунин знаком с мемуарами Фишера и пользовался ли он ими во время работы над «Миссией русской эмиграции».

Так или иначе, загадочный N.N. своим «Письмом в редакцию» вольно или невольно дал бунинским недоброхотам материал для «разоблачительных» публикаций, направленных против «зарвавшегося клеветника».

«Эмигрантский Иеремия»

«Накануне» 18 апреля поместила «маленький фельетон» под заглавием «Разоблаченный пророк». Автор, скрывшийся за псевдонимом К. Треплев, опираясь на сведения, изложенные в «Письме...» N.N., обвинил Бунина в дезинформации. Однако при этом сам фельетонист не брезговал подтасовками и искажением фактов. В частности, он ставил знак равенства между петлюровцами и «белыми ратниками», что исторически было неверно, а цитируя пресловутое «Письмо в редакцию» «остроумного российского гражданина», выпустил из его заключительной фразы упоминание о «красных большевиках» (точно так же с этим текстом поступил его коллега из «Красной газеты» А. Меньшой).

В своем «маленьком фельетоне» К. Треплев на все лады обыгрывал бунинскую мольбу о «собачьей святой ненависти к русскому Каину». «Право же, — ерничал двойник чеховского персонажа, — это не случайно, что Бунин сопоставил себя с собакой и заговорил

[25] *N.N.* Письмо в редакцию. С. 4; *Фишер В.М.* Записки из местечка. С. 60. Курсив N.N.

о святой собачьей ненависти — к революции, к русскому народу, к новой России. Ненависть свою он разбавил поповским елеем и мистикой, взятой напрокат у Карташева. <...> С одной стороны — крест, с другой — нагайка. И посредине — в виде господа бога — Кутеп-паша[26]. Галлиполийский палач. И грозный оклик:

— Будем сечь».

Умышленно извращая смысл бунинской «мольбы», К. Треплев интерпретировал ее как абсурдное «пожелание» писателя («в пылу библейского гнева») «превратиться в собаку. Не в собаку даже, а — в "худую собачонку"...»

«Так трогательно рассказывает и так возвышенно мечтает Бунин, — язвил автор «Разоблаченного пророка». — "Святая собачья ненависть..." В этом слышится железный голос пророка Иеремии. В этом есть пророческий пафос. Но... На всякого мудреца довольно простоты. Собачонку Бунина, с которой он хотел брать пример, разоблачили, и с лица эмигрантского Иеремии сошли румяна пророческого гнева».

Указав на три «нестыковки» в бунинской версии происшествия с собакой («Во-первых, старик был убит не красноармейцами, а петлюровцами. По терминологии Бунина, "белыми ратниками". Во-вторых, собака ненавидела солдат всех армий, и главным образом тех армий, которые, к великому неудовольствию Бунина, "не приняла Россия". В-третьих, в записках, на которые ссылается Бунин, описываются грабежи "белых ратников": казаков и украинских партизан»), автор «маленького фельетона» резюмировал: «От великого до смешного — один шаг: и пророческая трагедия превращается в старый, затасканный анекдот...»

Заканчивалась статья на той же глумливой ноте: «Право, можно порадоваться за Бунина: его молитва не была услышана Богом, и чудо не совершилось. Веселенькая была бы картина, если бы Бунин вдруг превратился, да еще до последнего своего "издыхания", в собачонку Шек: пришлось бы ему яростно лаять на присутствовавших в зале великих князей, митрополита Евлогия, славных генералов и на товарищей своих: на Мережковского, на Карташе-

[26] Имеется в виду генерал А.П. Кутепов. В эмиграции стала притчею во языцех исключительная суровость дисциплины, которую он установил в русском военном лагере в Галлиполи. Об этом, например, писал Г.Н. Раковский в своей книге «Конец белых: От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация)» (Прага, 1921). Однако в то же время сами галлиполийцы строгость порядков, введенных Кутеповым, оправдывали необходимостью сохранять в эвакуированных из Крыма частях боевой дух и воинскую выправку. См. об этом: <*Б.п.*> Генерал Александр Павлович Кутепов // Русские в Галлиполи: Сб. статей, посвященный пребыванию 1-го армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923. С. 54—60; *Ряснянский С.* Галлиполи: Из Владимирского календаря на 1971 г. Б.м., б.г. С. 4—5; и др.

ва... Оказывается, что нельзя положиться не только на человека, но даже и на собаку: подведет. И если Бунину так уж хочется полаять по-собачьи, отошлем его к блоковской собаке: "...а рядом жмется шерстью жесткой, поджавши хвост, паршивый пес". Этот не подведет»[27].

«Передержка. Подтасовка. Наглая ложь»

В том же духе была написана статья некоего А. Меньшого «Оклеветанная собака», опубликованная 3 мая в вечернем выпуске «Красной газеты».

Вслед за К. Треплевым А. Меньшой тоже потешался над тем, что «обнаружилось духовное родство между Шеком и великим русским писателем Иваном Алексеевичем Буниным». И, подобно Кольцову, он эксплуатировал пропагандистский шаблон советской печати и зашел в этом гораздо дальше Кольцова, демонстрируя — то ли по простодушию, то ли из каких-то особых соображений — полное невежество в вопросе о политическом «ландшафте» эмиграции. Так, и беспартийный Бунин, и даже кадетская (т.е. демократическая) газета «Руль» были записаны А. Меньшим «в монархисты».

Трудно сказать, в каком издании А. Меньшой почерпнул сведения для своей статьи. Не исключено, что автор «Оклеветанной собаки» обращался к первоисточнику — «Письму в редакцию» N.N. Однако более вероятным представляется, что он воспользовался «маленьким фельетоном» К. Треплева, — на это указывает определенное стилистическое сходство текстов. Вместе с тем А. Меньшой, безусловно, привнес и нечто от себя. Центральной темой его статьи стала бунинская «клевета» на собаку по кличке Шек.

По словам А. Меньшого, Бунин, «великий писатель», «оклеветал эту ни в чем не повинную, честно исполнившую свой долг собаку. Оклеветал в печати. Оклеветал подлейшим образом. Оклеветал под видом похвалы, — это самый худший вид клеветы...»

«Иван Бунин, — писал далее А. Меньшой, — крайний монархист... разоренный революцией мелкопоместный дворянчик, озлобленный и желчный, — он принципиально не подает руки евреям и лицам податных сословий, — Иван Бунин, более чем наполовину выживший уже из ума, — Иван Бунин вдруг почувствовал влечение, род недуга к еврейской собачке, у которой в душе надрыв, — заметьте: чисто еврейский надрыв... Иван Бунин произнес в Париже на монархическом собрании пламенную монархическую речь — и закончил ее... цитатой из мемуаров В.М. Фишера. Только он позволил <себе> эту цитату несколько "исправить": вместо петлюровцев он поставил красноармейцев, — т.е. погром устроили крас-

[27] *Треплев К.* Разоблаченный пророк // Накануне. 1924. 18 апр. № 89. С. 4.

ноармейцы, старика-еврея Янковского убили красноармейцы, собака Шек лаяла только на красноармейцев. Передержка. Подтасовка. Наглая ложь».

Трафаретно, по К. Треплеву и Кольцову, автор статьи истолковывал и бунинскую мольбу о продлении «собачьей святой ненависти к русскому Каину»: «...Иван Бунин тоже хочет вихрем носиться, захлебываясь от яростного лая... Но пока что он облаял собаку. Как будто у еврейской собаки могут быть дворянские, верноподданнические, православные чувства... Такая явная клевета, такая диффамация, что даже “Руль” (газета правокадетская и тоже монархическая) не удержался и обратил внимание великого писателя на недопустимость такого вольного обращения с собачьей честью...»

«Так живет и работает белая эмиграция; такие вот у нее интересы; такие вот занимают ее вопросы; так вот выродились некогда талантливые люди...»[28] — резонерствовал в конце своей статьи А. Меньшой.

Заключение

Резко негативная реакция леворадикальной эмигрантской и советской печати на речь Бунина «Миссия русской эмиграции» была предсказуема и закономерна. Главной причиной этого было, несомненно, само содержание бунинской речи, в том числе выраженная в ней непримиримость к советскому режиму и его политико-культурным инициативам, а также негодование в адрес западных держав, не только не желавших вмешиваться во внутренние дела охваченной революцией России, но и с 1924 г. начавших признавать с точки зрения международного права ее новую власть.

Полемические приемы, к которым прибегали леворадикальные эмигрантские и советские публицисты, не отличались большим разнообразием и изобретательностью. Все авторы пользовались примерно одним и тем же набором публицистических шаблонов, имея целью дискредитировать Бунина и его позицию в глазах своих читателей. В эффективности подобной стратегии и тактики сомневаться не приходится. Однако эффективность эта, безусловно, носила в большей или меньшей степени «локальный» характер. Если «Известия», «Правда», «Красная газета» могли воздействовать на общественное сознание целой огромной страны, то влияние «Накануне» и «Русского голоса» было куда более скромным: «целевая» аудитория этих газет была несопоставима по своим размерам с аудиторией советских официозов. При этом в глазах *большей части*

28 *Меньшой А.* Оклеветанная собака // Красная газета. Вечерний выпуск. 1924. 3 мая. № 98. С. 2.

русской эмиграции значение и тех и других изданий было одинаково ничтожным, соответственно и их мнение — в частности, о Бунине и его речи — не могло иметь особого веса. Кстати, похоже, что и сам Бунин либо проигнорировал направленные против него выступления леворадикальной эмигрантской и советской печати (разумеется, за вычетом статьи «Маскарад мертвецов»), либо вовсе о них не знал. По крайней мере, в Парижском архиве писателя эти публикации не обнаружены.

Тем не менее само по себе их появление представляет определенный интерес не только как «косвенный» факт биографии писателя, но и как яркий эпизод в истории отечественной печати 1920-х гг.

Список литературы

Андреева С.Л. Библейские реминисценции как фактор текстообразования (На материале произведений И.А. Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. М., 2004.

Мальцев Ю. Иван Бунин. 1970—1953. Frankfurf am Main; М., 1994.

Марченко Т.В. «...Мало бунинской атмосферы, нужна и блоковская»: Поэма А.А. Блока «Двенадцать» в художественном сознании И.А. Бунина // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2011. М., 2011.

Мочалова Н.В. Проблема революции и культуры в публицистике И.А. Бунина. 1918—1953 гг.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Николаев Д.Д. Ветлугин // Литература русского зарубежья. 1920—1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2008. Вып. 4.

Свалов А.Н. Бунин // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Под общ. ред. В.В. Журавлёва. М., 2009.

Скроботова О.В. Жанрово-тематическое разнообразие «внехудожественного» творчества И.А. Бунина 1917—1923 годов: дневники, публицистика: Дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2006.

Трубицина Н.А. Библейские мотивы в речи И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» // Творческое наследие Ивана Бунина на рубеже тысячелетий: Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию вручения Нобелевской премии и 50-летию со дня смерти писателя. Елец, 2004.

Поступила в редакцию
08.06.2014